

# Коллективная агрессия и насилие как основа ранней политической организации

В.О. Микрюков<sup>1</sup>, С.А. Мельков<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;

<sup>2</sup> Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

## АННОТАЦИЯ

Вопрос о происхождении государства остается дискуссионным в политической науке. Традиционные теории часто игнорируют эволюционные предпосылки политики, заложенные задолго до неолита. Интеграция данных антропологии, приматологии и археологии позволяет переосмыслить генезис политических институтов, в том числе и государства. Цель статьи — уточнение теории насилия как приоритетной в понимании природы государства, опираясь на эволюционный подход и данные о ранних формах коллективного принуждения у наших предков. В исследовании применяются традиционные методы: анализ, синтез, сравнение, а также представлены и обработаны результаты анализа археологических и этнографических данных; проведен авторский анализ протополитических структур; сделана экстраполяция на основе исследований истоков возникновения протогосударственных организационных структур у *Homo sapiens*. Исследование показало, что первые политические институты возникли в позднем плейстоцене в ходе процесса самоодомашнивания, сопровождавшегося снижением реактивной и ростом проактивной агрессии. Война как институционализированное насилие предшествовала государству и стимулировала формирование кооперативных иерархий. Авторы считают, что первыми политическими институтами у наших предков были смертная казнь и война. Они появились у наших предков еще в плейстоцене. Государство возникло в неолите как эволюционный ответ на необходимость управления коллективным насилием и координации в условиях растущей социальной сложности. **Ключевые слова:** военная деятельность; война; политические институты; природа государства; проактивная агрессия; самоодомашнивание; смертная казнь

**Для цитирования:** Микрюков В.О., Мельков С.А. Коллективная агрессия и насилие как основа ранней политической организации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(3):40-53. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-40-53

## ORIGINAL PAPER

# Collective Aggression and Violence as the Foundation of Early Political Organization

V.O. Mikryukov<sup>1</sup>, S.A. Melkov<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

<sup>2</sup> Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

## ABSTRACT

The question of the state's origins remains a matter of debate in political science. Traditional theories often overlook the evolutionary underpinnings of politics that emerged long before the Neolithic era. Integrating insights from anthropology, primatology, and archaeology enables a reevaluation of the genesis of political institutions, including the state itself. Objectives. This study refines the theory of violence as central to understanding the nature of the state, drawing on an evolutionary perspective and evidence of early forms of collective coercion among our ancestors. Methodology. The research employs standard methods of scholarly analysis, such as analysis, synthesis, and comparison, and presents original interpretations of archaeological and ethnographic data. The authors conduct an original analysis of protopolitical structures and extrapolate findings from studies on the emergence of proto-state organizational frameworks in *Homo sapiens*. Results. The study demonstrates that the earliest political institutions arose during the Late Pleistocene through the process of self-domestication, which was accompanied by a decline in reactive aggression and a rise in proactive aggression. War as institutionalized violence preceded the state and drove the formation of cooperative hierarchies. Conclusions. The authors argue that the first political institutions among our ancestors were capital punishment and warfare, both emerging in the Pleistocene. The state itself arose in the Neolithic as an evolutionary response to the need for managing collective violence and coordinating increasingly complex societies.

**Keywords:** military activity; war; political institutions; nature of the state; proactive aggression; self-domestication; capital punishment

*For citation:* Mikryukov V.O., Melkov S.A. Collective aggression and violence as the foundation of early political organization. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(3):40-53. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-40-53

## ВВЕДЕНИЕ

В современной политической науке остается нерешенным вопрос о том, что послужило первопричиной, источниками возникновения государства в неолите. Традиционные теории происхождения государства, такие как теория социального договора (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др.), теория сельскохозяйственно-го штандорта (модель изолированного государства), предложенная немецким экономистом И. фон Тюне-ном, теологическая теория (Ф. Аквинский, Ф. Лебюфф, Д. Эйве и др.), материалистическая теория (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, Г.В. Плеханов и др.), ирригационная теория К.А. Виттфогеля и другие, фокусируются на поздних этапах социальной организации, игнорируя глубинные эволюционные механизмы, заложенные еще в позднем плейстоцене и неолите<sup>1</sup>.

Мы полагаем, что, больше узнав об архаических политических институтах, мы сможем лучше понять суть их современных аналогов. Процитируем американского антрополога Р. Лоуи: «Зародыши системы сложного политического развития заложены — и проявляются — в более простых культурах... Специфическое событие общественного опыта, скажем, контакт с более слабым или сильным соседом, может привести к расцвету новых институтов» [1, с. 123].

В связи с этим особенно острым в науке (в том числе политической и правовой) остается вопрос о природе политики и государства. Действительно ли политика, а затем государство по своей природе детерминированы экономическими (классовыми) отношениями, как ранее учили в советских вузах? Или, возможно, правы антропологи, считающие источником появления в неолите государственной власти результат априори присущей *Homo sapiens* (далее — сапиенс) реципрокности<sup>2</sup> и возникшего в позднем плейстоцене дарообмена<sup>3</sup>?

<sup>1</sup> Неолит (новый каменный век) — период развития человечества, характеризующий переход от присваивающего хозяйства (собирательство, охота) к производящему (земледелие, скотоводство). Период: 9,5–4 тыс. лет до н.э. — 3–2,2 тыс. лет до н.э.

<sup>2</sup> Реципрокность (от лат. *reciprocus*, «взаимный») — способ передачи благ, заключающийся в их ритуализированном дарении. По К. Поланьи, альтернативный рынку, перераспределению и домашнему хозяйству. Это также отношения, при которых две группы или два человека дают друг другу эквивалентные вещи. В антропологии понятие «реципрокность» — обмен в широком смысле.

<sup>3</sup> Важный момент: французский антрополог М. Мосс считал, что дарообмен не является добровольной практикой и «осуществляется преимущественно в добровольной

Но тогда правы ученые, считающие появление политики, а затем и государства следствием значительного усложнения социальной жизни. Заметим несколько упрощенно: сельское хозяйство, животноводство и затем города усложнили социальную жизнь, и поэтому люди сами (ключевое слово) изобрели государство для решения возникающих проблем. Сложившаяся практика их решения — это и есть управленческая функция новой (то есть государственной) власти. Сложившийся же в плейстоцене институт дарообмена стал «центром политической жизни, помогавшим заключать мирные договоры, утверждать социальную иерархию внутри племени и влиять на верования» [3, с. 11].

В советское и даже постсоветское время в рамках теории государства и права государство в узком смысле рассматривалось, как правило, в качестве «синонима аппарата управления...» или в виде механизма, осуществляющего публичную власть. В широком же смысле оно понимается до сих пор как «ассоциация, члены которой объединяются в единое политическое сообщество публично властными структурами и отношениями публично властного характера»<sup>4</sup>. Такой подход не может удовлетворить политологов, поскольку вряд ли политические (политико-управленческие) механизмы/институты могли появиться из ниоткуда.

Согласимся с Р. Лоуи, четко обозначившим, полагаем, научную проблему: «Были ли у первобытных народов такие системы организации, чтобы мы могли говорить об управлении как о государствах или, по крайней мере, как о зачатках государства?» [1, с. 9].

Кроме того, мы считаем, что в вышеприведенном определении в широком смысле государства правоведы неверно употребляют слово «ассоциация» в единственном числе. Благодаря исследованиям Г. Шурца, Г. Уэбстера и других мы знаем, что

форме, подношениями, подарками, хотя, в сущности, они строго обязательны, уклонение от них грозит войной частного или общественного масштаба». Полагаем, что он не случайно предложил назвать все это «системой совокупных тотальных поставок». То есть дарообмен выходил за пределы экономической сферы и распространялся на все области жизни общества, тем самым становясь универсальным инструментом в отношениях между людьми [2, с. 141].

<sup>4</sup> Назаренко Г.В. Теория государства и права: Учебное пособие. М.: Издательство «Познавательная книга плюс»; 1999:17.

объединение людей в самые различные ассоциации происходило в позднем плейстоцене практически повсеместно на нашей планете<sup>5</sup>.

Нами замечено, что ученые-политологи часто игнорируют данные эволюционной биологии и антропологии, считая их «ненаучными» или «неакадемичными». Например, американский социолог Дж. Скотт отмечает, что «традиционные теории происхождения государства игнорируют археологические данные, показывающие, что государства возникли не как результат сознательного выбора, а как случайный эволюционный процесс» [4, р. 29].

Ведь человек — единственный вид животных, способный создавать коллективные намерения (то есть не просто делать что-то вместе, а согласовывать, что нужно делать и почему, а затем еще и коллективно это организовать). Именно эта способность позволила группам сапиенсов совместно решать: кого убивать, а кого захватывать в плен и подвергать наказаниям, насилию и проч., — и тем самым позднее создать протогосударства<sup>6</sup>. Это и многое другое подчеркивает необходимость интеграции эволюционного подхода (а именно это и изучает антропология) в политическую науку.

Что же появилось раньше: политические институты или государства? Исследований по этой проблеме достаточно много в современном дискурсе. В частности, относительно недавно было выяснено, что первые политические институты (в сегодняшнем их понимании, в XXI в.) возникли в плейстоцене, примерно 250–300 тыс. лет назад, когда вид *Homo sapiens* начал процесс самоодомашнивания [5, с. 132].

Этот процесс привел к снижению реактивной агрессии внутри групп, но одновременно способствовал развитию проактивной агрессии против внутригруппового властного «тирана» (самого сильного и агрессивного мужчины) и внешних групп людей. Против него в группе применялся институт смертной казни [5, с. 213, 327–358] (в настоящее время этот институт стал, скорее, правовым, чем поли-

тическим<sup>7</sup>), а война со временем стала институтом участия в систематических конфликтах с рядом проживающими группами сапиенсов (война до сих пор является политическим институтом). В этих конфликтах позднее они стали использовать не только подручные средства, но и специально для этого предназначенные орудия, а позднее — и оружие<sup>8</sup>.

Как пишет американский геолог и географ М. Дэйви: «С ранних времен до настоящего времени человек всегда сражался и всегда использовал оружие — естественное (камни, палки, дубины и т.д.) или созданное специально самим человеком — для решения возникавших конфликтов... В пользу данного утверждения говорит история, которая убедительно показывает чрезвычайную степень занятости человека военным делом. Другое свидетельство — традиция, возникшая еще в те времена, когда письменность была неизвестна. Традиция — смесь реальной исторической памяти и мифических сказок... Мифы наполнены описаниями войн и сверхчеловеческих подвигов героев, и именно война представляет собой, согласно мифам, главный интерес в жизни. Несмотря на то, что к описываемым в мифах событиям стоит относиться критически, присущие им детали, такие как оружие, методы ведения войны и тому подобное — данные, которые больше относятся к реальности, чем непосредственно к сюжету, — дают нам бесценную информацию» [6, с. 12].

Констатируем, что традиционные теории происхождения государства, сосредоточенные на экономических, договорных или технологических детерминантах, упускают из виду более ранние биологические основания политической организации. Археологические, антропологические и приматологические исследования свидетельствуют: зачатки политики возникли уже в плейстоцене как результат эволюционных изменений у *Homo sapiens*, в том числе ввиду становления и развития у них самоодомашнивания, развития коллективных намерений и институционализации насилия. Это позволяет рассматривать государство как кульминацию длитель-

<sup>5</sup> Имеются в виду книги Г.Шурца «Возрастные классы и мужские союзы» и Г. Уэбстера «Первобытные тайные общества».

<sup>6</sup> По нашему мнению, сапиенсы в неолите и ранее уже обладали способностью к коллективным намерениям и организованному насилию. Именно поэтому государство возникло не как замена этой способности, а как её институционализация, то есть для устойчивого воспроизводства и удержания власти, легитимации принуждения и управления растущими по размеру и сложности сообществами. Проще говоря, государство стало необходимым, когда спонтанная координация в малых группах перестала справляться с масштабами конфликтов, ресурсного распределения и внешней угрозы.

<sup>7</sup> Хотя до сих пор убийства в политических целях многими людьми оправдываются и не считаются уголовным преступлением.

<sup>8</sup> Орудия — универсальные инструменты, созданные для широкого спектра задач (например, рубить дерево, разделывать тушу убитого животного и т.п.), тогда как оружие — это специализированные предметы, предназначенные исключительно или преимущественно для обороны или нанесения увечий или причинения вреда другому человеку вплоть до его убийства. Переход от орудий к оружию отражает институционализацию насилия: когда агрессия становится целенаправленной, систематической и социально организованной.

ного процесса формирования протополитических структур, корни которых лежат в глубокой истории человеческого рода.

## МЕТОДЫ

Для подготовки статьи авторами использованы методы сравнительного анализа археологических и антропологических данных, институционального анализа ранних политических структур и экстраполяции на основе приматологических и антропологических исследований. Авторами проанализирована литература по эволюционной антропологии, политической науке и археологии, в том числе работы по ранним военным конфликтам и различным теориям происхождения государства, а также его ранним формам, работы по теории государства и права. Особое внимание уделено исследованиям о природе насилия и военных конфликтах у древних людей в плейстоцене.

Комплексный авторский подход включал три основных этапа:

1. Сбор и систематизация данных о насилии, войнах и военных конфликтах в неолите из археологических источников: проведен вторичный анализ научных статей, докладов и сообщений о погребениях с признаками насилия, орудиях войны и свидетельствах военных конфликтов из более чем 70 археологических раскопок по всему миру, а также из отчетов крупных археологических проектов.

2. Анализ данных по приматологии, эволюционной биологии и социобиологии: изучены работы по поведению шимпанзе, бонобо и других приматов, а также исследования по эволюции *Homo sapiens*. Основное внимание уделялось сравнению реактивной и проактивной агрессии у приматов и ранних людей. Данные были собраны из работ таких ученых, как Э.Б. Тайлор, Б. Шапиро, Э. Уилсон, Ф. де Вааль, Р. Рэнгем, Б. Хэйр, В. Вудс, М. Ридли, Ю.Н. Харари, Ж. Баланжье и др.

3. Институциональный анализ включал изучение и обобщение данных о ранних обществах охотников-собирателей в плейстоцене и их эволюции в раннем неолите. Особое внимание к анализу применения насилия, в том числе вооруженного, как основы появления протогосударств. Данные собраны из отчетов и научных статей этнографических исследований современных племен хадза и бушменов, а также из археологических находок, подтверждающих существование военных конфликтов в древних сообществах.

Для обеспечения научной строгости использовались методы:

- сравнительный анализ (обеспечивалось сравнение данных из разных источников — археологических, этнографических, приматологических — для выявления общих закономерностей);
- институциональный анализ (изучение функций и эволюции военных структур в разных социальных контекстах);
- экстраполяция (использование данных о современных племенах для реконструкции древних военных структур).

Для проверки достоверности результатов использовались критерии согласованности данных из разных источников; соответствия теоретическим моделям эволюционной биологии; подтверждения результатов независимыми исследованиями.

## РЕЗУЛЬТАТЫ

**Цель исследования** — проанализировать эволюционные основы возникновения государства в переходный к неолиту период, изучив роль агрессии и насилия как факторов формирования ранних политических институтов и военных структур. Применение результатов психологических и антропологических исследований позволит уточнить так называемую теорию насилия (захвата) как приоритетную теорию генезиса государства.

**Новизна работы** заключается в междисциплинарной реконструкции генезиса политических институтов на основе данных эволюционной антропологии, приматологии и археологии, что гипотетически позволяет выйти за рамки традиционных (экономических, договорных, технологических) теорий происхождения государства. В статье последовательно аргументируется тезис о том, что основы политики заложены еще в плейстоцене в ходе биосоциального процесса самоодомашнивания *Homo sapiens*. Авторы доказывают, что коллективная агрессия и институционализированное насилие (включая смертную казнь и войну) выступали не следствием, а предпосылкой формирования протополитических структур. Это позволяет переосмыслить роль насилия в происхождении протогосударств.

### 1. Авторский анализ причин войны в ранних обществах и связь их с политикой

Очевидно, что война и политика взаимосвязаны, поскольку война является также моральным явлением, а не только происходит «на стыке» права, истории, психологии, международных отношений [7, с. 10–11]. Однако ее эволюционное происхождение все же пока слабо осмыслено наукой.



Если следовать устоявшемуся в научном сообществе достаточно упрощенному мнению о позиции К. фон Клаузевица, то считается, что он происхождение войны связывал с политикой, поскольку война является ее «продолжением другими средствами» [8]. Изначальным мотивом для войны является достижение определенных политических целей, которые определяют, какой должна быть военная цель и какие усилия для ее достижения потребуются.

Однако это не полное и, пожалуй, не точное понимание позиции К. фон Клаузевица о генезисе войны. Приведем далее цитату, которая точнее отражает его понимание происхождения войны: «Война есть не что иное, как расширенное единоборство. Если мы захотим охватить мыслью как одно целое все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку двух борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель — сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению. Итак, война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [8]. Действительно, К. фон Клаузевиц считал, что именно характер политики определяет характер войны.

Далее изложим авторские размышления относительно детерминантно-причинной связи войны с политикой, когда мы стараемся понять суть войны.

Во-первых, агрессия и насилие<sup>9</sup>, с нашей точки зрения, появились значительно раньше политики (и, естественно, раньше государства), поскольку эти явления в принципе присущи миру биологии. Мы согласны с пониманием агрессии, которое дал австрийский зоолог и зоопсихолог К. Лоренц: это инстинкт борьбы против собратьев по виду — у животных и человека [9]. Но самое главное, полагаем, все же состоит в том, что многие этологи считают агрессию инстинктом — ответной реакцией на страх, вызываемый опасностями и угрозами. Поэтому можно и, видимо, нужно объявить войну преступлением, как это хотели сделать в СССР [10], но вряд ли удастся отменить или уничтожить агрессию человека, ибо она является частью его природы.

Во-вторых, акты организованной агрессии наблюдаются не только у сапиенсов, но и у человекообразных обезьян (например, у шимпанзе

[11, с. 172–173]). У них часто наблюдаются координированные рейды на соседние группы, сопровождающиеся убийствами и захватом территории, что свидетельствует о наличии у них зачатков проактивной (коллективно спланированной и организованной) агрессии. В отличие от человека, у обезьян отсутствует символическое обоснование насилия, нормативное регулирование и институционализация войны, то есть политический контекст, превращающий агрессию в войну.

В-третьих, если мы верно поняли мысль К. фон Клаузевица, политика должна была появиться раньше войны. Но вот проблема: если согласиться с мнением профессора В.В. Серебрянникова о том, что примерно 5 000 войн, зарегистрированных за письменную историю человечества [12, с. 7], сильно различались, то следует ли из этого, что они обязательно были следствием разных политик (или результатом действия разных политических институтов)? Или здесь следует как-то иначе понимать слова К. фон Клаузевица о том, что «характер политики определяет характер войны»? У нас нет ответов на эти вопросы.

В-четвертых, поскольку «история человека — это в существенной мере подготовка и ведение войн» [12, с. 181], то действительно ли войны были движущей силой эволюции? Или они все-таки были лишь отражением агрессивной стороны исключительно сапиенсов (говорящих обезьян)? Например, улучшали ли войны человеческую природу, способствуя выживанию наиболее жизнеспособных людей и групп людей (известны как негативная точка зрения П. Сорокина, так и позитивная — Ницше и Г. Трейчке)? Или многие ученые просто не знают, «как силен инстинкт войны у человека, инстинкт, сидящий в нем глубже всякого разума» [13, с. 8]?

В-пятых, могло ли без войны и функционально выраженной проактивной агрессии происходить ранжирование традиционных обществ с количественно все более возрастающим населением сапиенсов? Очевидно, что большинство из таких обществ постепенно в позднем плейстоцене и раннем неолите становились все менее эгалитарными<sup>10</sup>. Нужно признать, что политическая, как и социальная, сложность разных групп сапиенсов в разных реги-

<sup>9</sup> Подчеркнем, что не нужно путать агрессию и жестокость.

<sup>10</sup> Эгалитаризм (фр. *égalité* от *égalité* «равенство») — концепция, предполагающая создание общества с равными социальными и гражданскими правами всех членов этого общества, и, как идеал — равенство прав и возможностей. Противоположность эгалитаризма, постулирующего естественность и позитивность образования в обществе элитных страт, то есть необходимость разделения общества на элиту и остальную массу.

онах мира даже в одно и то же время была различной. И тем не менее отметим тенденцию: в раннем неолите неоднородность этих групп достаточно быстро стала расти<sup>11</sup>. Одновременно в таких обществах появилось и по-разному оформилось и проявилось лидерство<sup>12</sup>, в том числе бигмен (по факту — ненаследуемое лидерство<sup>13</sup>). Зачастую именно такими становились храбрые воины и военные вожди.

В-шестых, современные исследования в области эволюционной археологии и сравнительной этнологии показывают, что война не была универсальной чертой всех доаграрных обществ. Американский антрополог Д. Фрай отмечал, что значительное число охотников-собирателей жили в условиях низкой частоты межгруппового насилия, а конфликты разрешались через посредничество, дарообмен, перемещение групп или ритуализированные дуэли [14]. Это ставит под сомнение тезис о «естественной» воинственности человека как универсальной предпосылки государства и указывает на то, что война — не биологическая необходимость, а скорее социально обусловленная стратегия поведения, активируемая при определенных условиях (дефицит ресурсов, демографическое давление, технологические изменения).

В-седьмых, если рассматривать войну как фактор политогенеза, предложим два типа военной активности: оборонительную/реактивную и экспансионистскую/проактивную. Именно последняя, как показывает Ч. Тилли в знаменитой формуле «war made the state, and the state made war» [15], играет особую роль. Однако, как отмечают археологи С. Флэннери и Дж. Маркоу, в раннем неолите многие общества развивали иерархию без войны — через контроль над ритуалами, обменом престижными товарами или репродуктивными ресурсами [16]. Это позволяет предположить, что война, скорее всего, ускоряла, но не порождала социальную (в том числе политическую) сложность; она лишь радикализировала уже существовавшие тенденции к неравенству и централизации.

Перечисленные выше соображения позволяют уточнить позицию К. фон Клаузевица: не всякая война — продолжение политики, но политика как институционализированное управление конфликтом в неолитическом обществе становится возможной только тогда, когда общество способно

не просто воевать, но и организовывать будущие войны, а это уже качественно иной уровень социальной координации. Многими учеными замечено, что война как социальное явление возникла задолго до государства. Как отмечает Л. Килли, «археологические данные показывают, что война существовала задолго до появления государств, и именно необходимость организации военных действий стала ключевым фактором в формировании государственных структур» [17]. Это меняет наше понимание природы политики, показывая, что политические институты возникли задолго до государства и что их эволюция, в этом наша гипотеза, была тесно связана с биологическими изменениями у *Homo sapiens*.

## 2. Самоодомашнивание — эволюционная основа появления политики и государства

Одним из ключевых открытий современной антропологии является то, что *Homo sapiens* прошел через процесс самоодомашнивания<sup>14</sup>. Об этом написано много научных статей, книг, монографий [18–20]. Заметим, что этот процесс привел к снижению реактивной агрессии внутри групп (охотников-собирателей), но одновременно способствовал развитию проактивной (то есть организованной и спланированной) агрессии против внешних групп [21, с. 9–16]. Как отмечают Б. Хэйр и В. Вудс, «самоодомашнивание — это не просто снижение агрессии, это сложный процесс, который привел к изменению социальной структуры человека» [22, с. 21].

Стоит отметить, что реактивная агрессия — это импульсивная, эмоционально заряженная агрессия, которая возникает в ответ на угрозу. Такая реакция присуща нам (людям) как биологическому виду. У обезьян она также имеется. Например, у шимпанзе реактивная агрессия проявляется в постоянных конфликтах между самцами, которые борются за доминирование в своей группе [23]. Со временем у *Homo sapiens* реактивная внутригрупповая агрессия значительно снизилась, что позволило людям жить в более крупных группах и развивать сложные

<sup>14</sup> Самоодомашнивание — эволюционный процесс, в ходе которого у людей начала постепенно снижаться реактивная агрессия внутри группы (в отличие от проактивной, спланированной, организованной и направленной на внешних врагов), что способствовало повышению социальной толерантности, кооперации и способности к сложной коммуникации. Со временем возникли коллективные институты: согласованного принятия решений, легитимного лидерства и, в конечном счете, протополитические структуры, основанные не на физическом доминировании, а на социальном согласии и нормативном регулировании.

<sup>11</sup> Крадин Н.Н. Политическая антропология: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Логос; 2004:152.

<sup>12</sup> Там же. С. 156.

<sup>13</sup> Там же С. 157.

социальные структуры, эволюция которых гораздо позднее привела к образованию постоянного общения и сотрудничества, дарообмена и лишь затем, уже в неолите, — к достаточно устойчивым политическим отношениям (институтам), а затем и государствам.

Важную роль в процессе самоодомашнивания сыграл институт смертной казни: когда группы сапиенсов систематически устраняли наиболее агрессивных, доминантных и тиранически настроенных мужчин, угрожавших внутригрупповой безопасности, внутреннему порядку и кооперации [5]. Эта форма социального отбора действовала как механизм «выбраковки жестокости», снижая уровень реактивной агрессии внутри коллектива и способствуя закреплению генетических и поведенческих черт, благоприятных для совместной групповой жизни. Именно смертная казнь выступала не столько как правовой, сколько со временем как эволюционный инструмент формирования менее агрессивного и при этом более кооперативного поведения у людей.

Однако снижение реактивной агрессии не означало полного отсутствия агрессии у сапиенсов в тот период вообще (вынуждены напомнить, что агрессия — это наш инстинкт). У людей развилась расчетливая проактивная агрессия, то есть заранее спланированная и тщательно организованная коллективная мужская агрессия, которая используется для защиты территории и ресурсов против внешних групп. Слово «мужская» появилось выше в тексте не случайно. Как пишет антрополог Н. Н. Крадин, «на определенной ступени развития мужчины стали доминировать над женщинами»<sup>15</sup>. По всей видимости, мы можем эту тенденцию преобладания мужской власти распространить на все проявления проактивной агрессии (не будем здесь приводить доказательства этого утверждения — об этом развернуто, в частности, пишет Р. Рэнгем, в том числе ссылаясь на мнение Ч. Дарвина о том, что мужчины гораздо агрессивнее женщин [5, с. 174–175]). Об этом пишут в своих исследованиях Э. Б. Тайлор, Ю. Н. Харари, Ж. Баланжье, М. Дэйви и другие ученые. Поэтому согласимся с тем, что в плейстоцене у наших предков могла сформироваться, в первую очередь, мужская власть.

Война имеет и свои биологические истоки. Так, М. Ридли на примере муравьев-жнецов показывает, что «внешний враг способствует групповой сплоченности» [21, с. 254–256]. Не будем подробно

расписывать ход и перипетии ведущейся этими муравьями войны, лишь заметим, что они являются яростными территориалистами. И в результате этой войны на определенной территории может остаться только одна матка-победитель со своей колонией [21, с. 254–257]. Получается, что в мире живой природы война всегда ведется между «мы» и «они» (в данном случае конкурируют не отдельные особи, а семьи, группы), между своими и чужими. Похожий процесс у сапиенсов, скорее всего, длился не одну сотню тысяч лет.

Как пишет Р. Рэнгем, «проактивная агрессия — это то, что отличает людей от других приматов. Это то, что позволяет нам организовывать коалиции и защищаться от внешних угроз» [5, с. 178]. Но коалиция — это не просто группа. Это группа, которая сознательно согласовывает действия для достижения общей цели (например, для защиты территории, устранения внутреннего тирана или нападения на внешнего врага). Именно способность к планированию, распределению ролей и коллективному применению насилия по расчету, а не под влиянием импульса, делает проактивную агрессию фундаментом не только военного, но и политического действия.

Как пишет антрополог М. Томаселло, именно совместное намерение (то есть способность понимать, что «мы все хотим убить его», а не «я хочу убить его») делает человека уникальным. Именно эта когнитивная революция, произошедшая около 250 тыс. лет назад<sup>16</sup>, позволила людям не просто нападать, но и позднее устраивать суд, выносить приговор, организовывать карательную экспедицию, то есть действовать политически [25, р. 61].

Антропологи заметили, что процесс самоодомашнивания был тесно связан с изменениями в мозге и гормональной системе человека. Как показывают генетические исследования, в период 250–300 тыс. лет назад произошли изменения в генах, связанных с серотонином и дофамином, что действительно привело к снижению агрессивности внутри групп и повышению способности к кооперации против внешних угроз [25, р. 63]. Эти изменения были необходимы для выживания в условиях изменения климата (за последние

<sup>15</sup> Крадин Н. Н. Указ. соч. С. 61.

<sup>16</sup> По другим данным: около 70 тыс. лет назад. Так, Ю. Н. Харари опирается на археологические данные о взрыве символического поведения: наскальное искусство, сложные украшения, ритуальные захоронения, музыкальные инструменты, дальноточная торговля, что свидетельствует о появлении языка высокого уровня, способности к абстрактному мышлению и передаче сложных идей, в том числе и применяя насилие, в том числе вооруженное [24].



250–300 тыс. лет климат неоднократно менялся) и увеличения численности сапиенсов.

Полагаем, что механизм социального контроля через коллективное устранение доминантного, чрезмерно агрессивного индивида быстро трансформировался из спонтанной реакции в устойчивый институт. Археологические и этнографические данные свидетельствуют, что практика смертной казни за тиранию, нарушение норм или угрозу внутреннему порядку была почти универсальной среди охотников-собирателей — от Африки до Австралии и Америки [26–28 и др.].

Более того, с ростом межгрупповых контактов и конфликтов в позднем плейстоцене и раннем неолите смертная казнь стала применяться не только к «своим», но и к пленным из враждебных групп, особенно к тем, кто отказывался подчиняться новым социальным условиям или представлял угрозу стабильности. Таким образом, смертная казнь превратилась в инструмент не только внутреннего регулирования, но и политического подавления внешнего «другого». Этот институт легитимировал коллективное насилие, придавая ему нормативный и даже ритуальный статус, что стало важнейшим шагом на пути к формированию протогосударственных структур. Именно в этом смысле смертную казнь можно рассматривать как один из первых политических, а не просто биологических, механизмов управления агрессией.

Исследователи-приматологи Р. Рэнгем и Д. Петерсон подчеркивают, что именно в этот период (по их мнению, примерно 100–200 тыс. лет назад) произошло эволюционное смещение от индивидуального насилия внутри группы к коллективной военной коалиции, когда несколько мужчин, не обязательно связанных кровным родством (это важно специально подчеркнуть), синхронно нападали на чужую группу, чтобы захватить ресурсы или уничтожить конкурентов. Это требовало доверия, коммуникации, распределения ролей между мужчинами [29, р. 12].

Частично аналогично это происходит у некоторых животных: «У шимпанзе агрессия проявляется в виде индивидуальных нападений, часто спонтанных. А у *Homo sapiens* агрессия — это координация, план, предварительная разведка... Именно она стала основой для военной иерархии, которая позже превратилась в государственную» [29, р. 12]. Таким образом, вооруженная агрессия в форме войны стала основой для появления государства как политического института, но важно

подчеркнуть, что насилие с применением оружия возникло задолго до государства.

### 3. Появление вооруженного насилия в плейстоцене

Одним из ключевых механизмов, который возник в результате самоодомашнивания, стало спланированное и одновременно организованное насилие. Как отмечает Л. Килли, «Археологические данные показывают, что война существовала задолго до появления государств, и именно необходимость организации военных действий стала ключевым фактором в формировании государственных структур» [30].

Этот тезис подтверждается и находками из пещеры Шанцер в Германии (ок. 200 тыс. лет назад), где были обнаружены следы насильственных смертей, которые свидетельствуют о систематических конфликтах с применением оружия между древними группами людей [31, р. 105]. Аналогичные находки были сделаны в пещере Капсель в Южной Африке (ок. 150 тыс. лет назад), где обнаружены орудия убийства, которые использовались для защиты территории от внешних групп [32].

Упомянем теорию Л. Ф. Малиновского о транзакционных издержках и роли государства как гаранта порядка [33], согласно которой любое общество сталкивается с проблемой транзакционных издержек, то есть затрат на обеспечение доверия, защиту собственности и выполнение договоров.

До появления государства эти функции выполнялись персонализированными формами обмена: родовыми связями, заложниками, кровной мстостью, ритуальными клятвами, обменом дарами как формой взаимного обязательства, посредничеством старейшин, сакральными запретами (табу) и коллективными санкциями, в том числе изгнанием или смертной казнью. Все эти институты выполняли функцию неформального принуждения, заменяя у ранних людей отсутствие централизованной власти, но были эффективны лишь в малых, лицом к лицу взаимодействующих группах (в условиях общественной власти).

С ростом масштаба общества, анонимности и сложности обмена (то есть в период появления племен) такие механизмы становились недостаточными, что и создавало эволюционное «давление» в пользу возникновения ранее не существовавших форм — так возникло государство как гарант порядка и исполнения договоренностей (уже неважно: как внутри групп, так и вовне).

Заметим, что с ростом масштабов взаимодействия в позднем плейстоцене и раннем неолите пер-



сонализированный обмен стал нежизнеспособным. Возникла потребность в персонифицированном порядке, который мог бы обеспечить безопасность в сообществах вне кровных связей [33, с. 92]. Именно здесь насилие становится институционализированным и проявляется не как частная месть, а скорее как система принуждения на определенной территории, управляемая коллективной властью [1, с. 65–66].

Этнографические исследования современных охотников-собирателей также подтверждают существование у них войн как, мы полагаем, протополитического института. Например, у племени хадза в Танзании существует строгий запрет на нарушение территориальных границ. Как отмечает антрополог Дж. Вудберн: «В племени хадза любое нарушение территориальных границ приводит к систематическим военным конфликтам, которые организуются и координируются группой» [34, р. 316].

Аналогичные практики существуют у племени бушменов в Намибии, где война используется для защиты ресурсов [35, р. 322].

Важно отметить, что война в плейстоцене была не просто случайными конфликтами — это был сложный акт борьбы за власть и территорию, в котором можно выделить несколько этапов. Сначала происходило наблюдение за территориальными границами, затем были попытки вести дипломатические переговоры, затем — подготовка к войне, и только в крайних случаях — военные действия. Все это подтверждает институциональную природу войны.

Как пишет К. Бем, «В охотничье-собирательских обществах существует универсальное социальное правило: группа должна защищать свои территории от внешних угроз. В то же время отдельные группы постоянно пытаются расширить свои территории с помощью военных действий» [26, р. 98].

Таким образом, механизм насилия с применением оружия, а позднее и войны как механизмы борьбы за власть и территорию были чрезвычайно эффективными. Как показывают исследования, в охотничье-собирательских обществах война приводила к защите ресурсов и повышению выживаемости группы: «В группах охотников-собирателей нет ни позиций, эквивалентных позиции альфа-самца, ни схваток. В редких случаях, когда в группах охотников-собирателей все же появляется временный лидер, важную роль играет репутация. То есть, чтобы добиться власти, человек должен выдвигать разумные аргументы в спорах, уметь разрабатывать хороший план действий, ловко вести переговоры, уметь рассказывать увлекательные истории или убедительно предсказывать будущее» [23, р. 130].

Мы предполагаем, что специализация военной деятельности среди других видов человеческой деятельности произошла у сапиенсов давно. Так, профессор В.К. Белозеров настаивает: «Военная деятельность», будучи изначально связанной с борьбой человека за существование, появилась значительно раньше, чем возникла политическая сфера жизни общества» [36, с. 10]. Он же отмечает, что причины, побуждавшие сапиенсов заниматься военной деятельностью, были самыми разнообразными: борьба за территорию, за добычу, за рабов, за выживание, за воду, осуществление кровной мести и др.

В своей книге в начале XX в. наш соотечественник — ученый А.Е. Снесарев четко написал: «Человек воевал непрерывно в доисторические годы, об этом нам говорят антропологические изыскания... Сложный ассортимент оружия свидетельствует, что человек вел непрерывную борьбу и с человеком, и с животными, и с силами природы» [37, с. 158]. Получается, что военная деятельность как постоянно ведущаяся сапиенсами борьба появилась у них практически одновременно с ними самими?

Конечно, в плейстоцене у наших предков не существовали механизмы, позволявшие регулировать проактивную агрессию — в этом мы согласны с мнением многих ученых. Поэтому в политическом и управленческом смыслах жизнь сапиенсов можно назвать достаточно анархичной.

Поясним: у них не было ни органов управления, ни политико-управленческих институтов (хотя некоторые ученые считают семью единственной существовавшей в то время политической единицей. Мы лично так не считаем, поскольку многие ученые пишут о существовании уже в этот период различных ассоциаций [1, с. 85–86] и тайных обществ [38, с. 36–37]). При этом фактически функцию управления осуществляли обычаи и магия, либо у некоторых народов в условиях отсутствия предводителей или вождей старики образовывали некие неформальные советы [39, с. 134].

Однако мы все же полагаем, что военная деятельность в собственно политическом смысле, то есть как организованная, спланированная и направленная против себе подобных с применением оружия деятельность, скорее всего, появилась несколько позже. Мы имеем в виду период, когда семьи стали объединяться в роды (патронимии, или большие семьи<sup>17</sup>), а затем в племена.

<sup>17</sup> Исаев М.А. История государства и права зарубежных стран: учебник для бакалавров. Москва: Издательство Юрайт; 2013. С. 43.

Последнее прокомментируем особо. Род отличался от семьи наличием института общего (родового) имущества, распоряжение судьбой которого было затруднено (поскольку коллективная собственность используется всеми сородичами, она не может быть ни разделена, ни отчуждена), и круговой порукой. По сути, власть внутри рода отличалась от семейной власти развитой нормативной основой, предписывающей сородичам определенный тип поведения в собственной среде и в отношении чужаков, а количество запретов в это время возросло в геометрической прогрессии<sup>18</sup>. В свою очередь возникновение племенной формы организации сапиенсов (ее, кстати, проходили далеко не все народы) учеными объясняется «как ведущая к трибализму<sup>19</sup> причина, как внешняя задача, которую не под силу осуществлять одному роду как экономического, так и военного свойства. Исторически ученые отмечают существование двух вариантов: либо необходимость набега на соседей или отражение их набега, либо совместная колонизация, массовая миграция на новые места жительства»<sup>20</sup>.

Важно: именно необходимость организации межродового общения ведет к появлению института вождя и свойственных ему функций. Племя можно рассматривать либо как промежуточную форму на пути к государству, либо как результат давления со стороны другого уже сформировавшегося государства. Фактически речь идет о том, что племена, а затем и государства образовывались не на принципе родства. Мы считаем, что «война представляет государству заманчивые возможности захвата территорий, на которых можно установить монополию на применение силы» [40, с. 40–41].

## ВЫВОДЫ

Анализ эволюционных, археологических и этнографических данных позволяет сделать выводы, выходящие за рамки традиционных теорий генезиса государства.

Во-первых, политические институты не являются изобретением неолитической эпохи, их зачатки

возникли значительно раньше (в плейстоцене) как следствие биосоциального процесса самоодомашнивания *Homo sapiens*. А значит, основания политики лежат в глубинных изменениях человеческой природы — в снижении реактивной агрессии и развитии способности к коллективному, целенаправленному действию. Первым политическим институтом, скорее всего, стала смертная казнь.

Во-вторых, мы считаем, что война — не просто «продолжение политики иными средствами», ибо война предшествовала политике и выступила одним из ключевых факторов, стимулировавших формирование протополитических структур. Однако решающим оказался не сам факт насилия, а его институционализация, то есть переход от спонтанных конфликтов к организованным коалициям, управляемым общим намерением и распределением ролей. Именно эта способность к совместному планированию, уникальная для человека, превратила агрессию в инструмент социального порядка как внутри группы (через смертную казнь тиранов), так и за ее пределами (через систематические межгрупповые конфликты, то есть через войну).

В-третьих, государство возникло не как замена «естественного» хаоса, а как адаптация людей и их групп к новым масштабам социального взаимодействия, в которых старые механизмы доверия (родство, месть, ритуалы) перестали быть достаточными и результативными. Государство — не результат сознательного выбора или классовой борьбы, а эволюционный ответ на растущую сложность кооперации людей в условиях демографического роста, внешнего давления и постоянной угрозы насилия извне. Мы считаем, что в период позднего плейстоцена эволюция фактически потребовала от наших предков перейти от общественной власти к власти, по сути, политической, то есть к формированию специализированных властных структур, вынужденных заниматься управлением делами всех людей, природой и территориями (война стала одним из таких дел).

По нашему мнению, тезисы данной статьи могут мотивировать политологов и исследователей государства из других наук пересмотреть саму парадигму происхождения государства, уделив достойное внимание эволюции политического как непрерывного процесса институционализации коллективного принуждения, уходящего корнями в биологическую историю вида *Homo sapiens*.

<sup>18</sup> Исаев М.А. Указ. соч. С. 44.

<sup>19</sup> Трибализм, трибализм, трибализация — форма групповой обособленности, характеризующаяся внутренней замкнутостью и исключительностью, обычно сопровождаемая враждебностью по отношению к другим группам.

<sup>20</sup> Исаев М.А. Указ. соч. С. 45.

# СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лоуи Р. Происхождение государства. Пер. с англ. Москва: Дело, РАНХиГС; 2023. 128 с. URL: [https://rusneb.ru/catalog/000199\\_000009\\_011997272/?ysclid=мосуоz0xr0642724847](https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011997272/?ysclid=мосуоz0xr0642724847)
2. Гофман А.Б., ред.-сост., пер. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. Москва: Книжный дом «Университет»; 2011. 416 с. URL: <https://publications.hse.ru/books/77232441?ysclid=мосv3dnvkx103546553>
3. Шишкина Т. Экономическая антропология: История возникновения и развития. М.: АСТ; 2025. 384 с.
4. Scott J.C. Against the Grain: A Deep History of the Earliest States. New Haven; London: Yale University Press; 2017:312. URL: <https://doi.org/10.1007/s10745-018-0021-z>
5. Рэнгем Р. Парадокс добродетели. Странная история взаимоотношений нравственности и насилия в эволюции человека. Пер. с англ. Москва: АСТ: COPRUS; 2025. 480 с.
6. Дэйви М. Эволюция войн. Психологические, социальные и национальные причины военных конфликтов. Пер. с англ. Москва; 2009. 382 с.
7. Куманьков А.Д. Война в XXI веке. Москва: ВШЭ; 2020. 296 с.
8. Фон Клаузевиц К. О войне. Москва: Эксмо, Мидгард; 2007. 864 с.
9. Лоренц К. Агрессия, или Так называемое зло. Пер. с нем. Москва: АСТ; 2025. 416 с.
10. Донской Д. Агрессия — вне закона: Об общепринятом определении агрессии. Москва: Международные отношения; 1976. 136 с. URL: [https://rusneb.ru/catalog/000201\\_000010\\_BJVVV985496/?ysclid=мосw6i6ive986787574](https://rusneb.ru/catalog/000201_000010_BJVVV985496/?ysclid=мосw6i6ive986787574)
11. Де Вааль Ф. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов. Пер. с англ. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики; 2022. 272 с.
12. Серебрянников В.В. Социология войны. Москва: Ось-89; 1998. 317 с. URL: [https://rusneb.ru/catalog/000199\\_000009\\_000570923/?ysclid=мосw9s4pyb473591807](https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000570923/?ysclid=мосw9s4pyb473591807)
13. Николай Г. Биология войны. Можно ли победить «демонов прошлого»? Москва: Родина; 2023. 224 с.
14. Fry D.P. (Ed.). War, peace, and human nature: The convergence of evolutionary and cultural views. New York: Oxford University Press; 2013. 562 p. URL: [https://archive.org/details/isbn\\_9780199858996](https://archive.org/details/isbn_9780199858996)
15. Tilly Ch. (Ed.) Reflections on the history of European state-making. The formation of national states in Western Europe. Princeton: Princeton University Press; 1975; 42. URL: <https://psi424.cankaya.edu.tr/uploads/files/Tilly,%20Reflections%20on%20State%20Making.pdf>
16. Flannery K.V., Marcus J. The Creation of inequality: How our prehistoric ancestors set the stage for monarchy, slavery, and empire. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2012. 640 p. URL: <https://doi.org/10.1017/S0003598X00049176>
17. Keeley L.H. War before civilization illustrated edition, kindle edition. Oxford: Oxford University Press; 1997. URL: <https://archive.org/details/warbeforeciviliz0000keel>
18. Строев С.А. Война как ключевой феномен антропологии. *Репутациология*. 2022;3-4(65-66):5-37. URL: <https://doi.org/10.34925/2071-9094.2022.66.4.001>
19. Красиков В.И. Самоформирование через деятельность и отбор в эволюционной траектории человеческого вида. *Философия и общество*. 2024;2(111):35-51. URL: <https://doi.org/10.30884/jfio/2024.02.02>
20. Розов Н.С. Организованное насилие в мировой истории и условия становления гуманных порядков. *История и современность*. 2023;2(48):29-45. URL: <https://doi.org/10.30884/iis/2023.02.02>
21. Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели. Пер. с англ. А. Чечиной. Москва: Эксмо; 2016. 412 с.
22. Хэйр Б., Вудс В. Выживает самый дружелюбный. Почему женщины выбирают добродушных мужчин, молодежь избегает агрессии и другие парадоксы, которые помогут узнать себя. Москва: Бомбора; 2023. 288 с.
23. Waal F.B.M. de. Our inner ape: A leading primatologist explains why we are who we are. New York: Riverhead Books; 2005. 288 p. URL: <https://doi.org/10.12987/9780300230497>
24. Bar-Yosef O. The upper paleolithic revolution. *Annual Review of Anthropology*. 2002;(31):363-393. URL: <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.31.040402.085416>
25. Tomasello M. The political biology of early human societies. New York: Riverhead Books; 2020. 328 p. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2020.06.004>
26. Boehm C. Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1999. 316 p. URL: <https://archive.org/details/hierarchyinfores0000boeh>
27. Boehm C. The evolution of morality. *Evolutionary Anthropology*. 2008;(6):275-289. URL: <https://doi.org/10.1002/evan.20198>

28. Wrangham R. The goodness paradox: The strange relationship between virtue and violence in human evolution. New York: Pantheon Books; 2019.
29. Wrangham R., Peterson D. The evolution of war: From prehistoric conflict to the rise of the state. New York: Riverhead Books; 2021. 418 p. URL: <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2021.02.003>
30. Keeley L.H. War before civilization: The myth of the peaceful savage. Oxford: Oxford University Press; 1996. 288 p. URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195097374.001.0001>
31. Schmidt P. Archaeological evidence of systematic killing in the Paleolithic. *Journal of Anthropological Archaeology*. 2019;(55):101-115. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2019.03.002>
32. Henshilwood C. Evidence of systematic killing in the Middle Stone Age. *Current Anthropology*. 2018;(4):456-478. URL: <https://doi.org/10.1086/698754>
33. Малиновский Л.Ф. Некоторые институциональные основы природы государства. *Право и образование*. 2011;(11):88-97. URL: <https://elibrary.ru/okimqj>
34. Woodburn J. Egalitarian societies. *Man*. 1982;(3):431-451. URL: <https://doi.org/10.2307/2801585>
35. Marshall L. The! Kung of the Kalahari: A study of Hunter-Gatherer society. *American Anthropologist*. 1976;(2):312-330. URL: [https://archive.org/details/kalaharihunterga0000unse\\_n7r7](https://archive.org/details/kalaharihunterga0000unse_n7r7)
36. Белозеров В.К. Политический феномен военной деятельности. Монография. Москва: Издательский Дом «АТИСО»; 2009. 392 с. URL: <https://elibrary.ru/qokrvv>
37. Снесарев А.Е. Философия войны. Москва: ВА ГШ; 2002. 288 с. URL: [https://militera.lib.ru/science/snesarev\\_ae02/index.html?ysclid=мосхzwj1r9801624448](https://militera.lib.ru/science/snesarev_ae02/index.html?ysclid=мосхzwj1r9801624448)
38. Попов В., ред. Ранние формы политических систем. Санкт-Петербург: Кунсткамера; 2012. 380 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006674864?ysclid=мосу2ephf271806147>
39. Андерсон К.М., ред. Анархия и власть: сборник. Москва: Наука; 1992. 172 с. URL: [https://rusneb.ru/catalog/000199\\_000009\\_001645757/?ysclid=мосу3tkq3d933265800](https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001645757/?ysclid=мосу3tkq3d933265800)
40. М. Анатомия государства и другие эссе. Пер. с англ. Москва; Челябинск; 2025. 145 с.

## REFERENCES

1. Lowy R. The origin of the state. Transl. from Eng. Moscow: Delo, RANHiGS; 2023. 128 p. URL: [https://rusneb.ru/catalog/000199\\_000009\\_011997272/?ysclid=мocuoz0xr0642724847](https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_011997272/?ysclid=мocuoz0xr0642724847) (In Russ.).
2. Hoffman A.B., (Ed.-comp.), trans. Societies. Exchange. Personality. Works on social anthropology. Moscow: University Book House; 2011. 416 p. URL: <https://publications.hse.ru/books/77232441?ysclid=mocv3dnvix103546553> (In Russ.).
3. Shishkina T. Economic anthropology: The history of its origin and development. Moscow: AST; 2025. 384 p. (In Russ.).
4. Scott J.C. Against the grain: A deep history of the earliest states. New Haven; London: Yale University Press; 2017:312. URL: <https://doi.org/10.1007/s10745-018-0021-z>
5. Wrangham R. The paradox of virtue. A strange story of the relationship between morality and violence in human evolution. Transl. from Eng. Moscow: AST: COPRUS; 2025. 480 p. (In Russ.).
6. Davey M. The evolution of wars. Psychological, social and national causes of military conflicts. Transl. from Eng. Moscow; 2009. 382 p. (In Russ.).
7. Kumankov A.D. War in the 21<sup>st</sup> century. Moscow: HSE; 2020. 296 p. (In Russ.).
8. Von Clausewitz K. About the war. Moscow: Eksmo, Midgard; 2007. 864 p. (In Russ.).
9. Lorenz K. Aggression, or the So-called evil. Transl. from Germ. Moscow: AST; 2025. 416 p. (In Russ.).
10. Donskoy D. Aggression is outside the law: On the generally accepted definition of aggression. Moscow: International Relations; 1976. 136 p. URL: [https://rusneb.ru/catalog/000201\\_000010\\_BJVVV985496/?ysclid=mocw6i6ive986787574](https://rusneb.ru/catalog/000201_000010_BJVVV985496/?ysclid=mocw6i6ive986787574) (In Russ.).
11. De Waal F. Politics in chimpanzees: Power and Sex in primates. Transl. from Eng. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2022. 272 p. (In Russ.).
12. Serebryannikov V. V. Sociology of war. Moscow: Axis-89; 1998. 317 p. URL: [https://rusneb.ru/catalog/000199\\_000009\\_000570923/?ysclid=mocw9s4pyb473591807](https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000570923/?ysclid=mocw9s4pyb473591807) (In Russ.).
13. Nicolai G. Biology of war. Is it possible to defeat the “demons of the past”? Moscow: Rodina; 2023. 224 p. (In Russ.).
14. Fry D.P. (Ed.). War, Peace, and Human Nature: The convergence of evolutionary and cultural views. New York: Oxford University Press; 2013. 562 p. URL: [https://archive.org/details/isbn\\_9780199858996](https://archive.org/details/isbn_9780199858996)



15. Tilly Ch. (Ed.) Reflections on the history of European state-making. the formation of national states in Western Europe. Princeton: Princeton University Press; 1975; 42. URL: <https://psi424.cankaya.edu.tr/uploads/files/Tilly,%20Reflections%20on%20State%20Making.pdf>
16. Flannery K.V., Marcus J. The creation of inequality: How our prehistoric ancestors set the stage for monarchy, slavery, and empire. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2012. 640 p. URL: <https://doi.org/10.1017/S0003598X00049176>
17. Keeley L.H. War before civilization illustrated edition, kindle edition. Oxford: Oxford University Press; 1997. URL: <https://archive.org/details/warbeforeciviliz0000keel>
18. Stroeve S.A. War as a key phenomenon of anthropology. *Reputationology*. 2022;3-4(65-66):5-37. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.34925/2071-9094.2022.66.4.001>
19. Krasikov V.I. Self-formation through activity and selection in the evolutionary trajectory of the human species. *Philosophy and society*. 2024;2(111):35-51. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.30884/jfo/2024.02.02>
20. Rozov N.S. Organized violence in world history and the conditions for the formation of humane orders. *History and modernity*. 2023;2(48):29-45. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.30884/iis/2023.02.02>
21. Ridley M. The origin of altruism and virtue. Transl. from Eng. by A. Chechina. Moscow: Eksmo; 2016. 412 p. (In Russ.).
22. Hare B., Woods V. The friendliest survives. Why women choose good-natured men, young people avoid aggression, and other paradoxes that will help them get to know themselves. Moscow: Bombora; 2023. 288 p. (In Russ.).
23. Waal F.B.M. de. Our inner ape: A leading primatologist explains why we are who we are. New York: Riverhead Books; 2005. 288 p. URL: <https://doi.org/10.12987/9780300230497>
24. Bar-Yosef O. The upper paleolithic revolution. *Annual Review of Anthropology*. 2002;(31):363-393. URL: <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.31.040402.085416>
25. Tomasello M. The political biology of early human societies. New York: Riverhead Books; 2020. 328 p. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2020.06.004>
26. Boehm C. Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1999. 316 p. URL: <https://archive.org/details/hierarchyinfores0000boeh>
27. Boehm C. The evolution of morality. *Evolutionary Anthropology*. 2008;(6):275-289. URL: <https://doi.org/10.1002/evan.20198>
28. Wrangham R. The goodness paradox: The strange relationship between virtue and violence in human evolution. New York: Pantheon Books; 2019.
29. Wrangham R., Peterson D. The evolution of war: From prehistoric conflict to the rise of the state. New York: Riverhead Books; 2021. 418 p. URL: <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2021.02.003>
30. Keeley L.H. War before civilization: The myth of the peaceful savage. Oxford: Oxford University Press; 1996. 288 p. URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195097374.001.0001>
31. Schmidt P. Archaeological evidence of systematic killing in the Paleolithic. *Journal of Anthropological Archaeology*. 2019;(55):101-115. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2019.03.002>
32. Henshilwood C. Evidence of systematic killing in the Middle Stone Age. *Current Anthropology*. 2018;(4):456-478. URL: <https://doi.org/10.1086/698754>
33. Malinovsky L.F. Some institutional foundations of the nature of the state. *Law and education*. 2011;(11):88-97. URL: <https://elibrary.ru/okimqj> (In Russ.).
34. Woodburn J. Egalitarian societies. *Man*. 1982;(3):431-451. URL: <https://doi.org/10.2307/2801585>
35. Marshall L. The! Kung of the Kalahari: A Study of Hunter-Gatherer society. *American Anthropologist*. 1976;(2):312-330. URL: [https://archive.org/details/kalaharihunterga0000unse\\_n7r7](https://archive.org/details/kalaharihunterga0000unse_n7r7)
36. Belozero V.K. The political phenomenon of military activity: A monograph. Moscow: ATISO Publishing House; 2009. 392 p. URL: <https://elibrary.ru/qokrvv> (In Russ.).
37. Snesearev A.E. Philosophy of war. Moscow: VA GSH; 2002. 288 p. URL: [https://militera.lib.ru/science/snesarev\\_ae02/index.html?ysclid=mocxzwj1r9801624448](https://militera.lib.ru/science/snesarev_ae02/index.html?ysclid=mocxzwj1r9801624448) (In Russ.).
38. Popov V., ed. Early forms of political systems. St. Petersburg: Kunstkamera; 2012. 380 p. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006674864?ysclid=mocy2epfh271806147> (In Russ.).
39. Anderson, K.M., ed. Anarchy and Power: a collection. Moscow: Nauka; 1992. 172 p. URL: [https://rusneb.ru/catalog/000199\\_000009\\_001645757/?ysclid=mocy3tkq3d933265800](https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001645757/?ysclid=mocy3tkq3d933265800) (In Russ.).
40. M. Anatomy of the State and other essays. Transl. from Eng. Moscow; Chelyabinsk; 2025. 145 p. (In Russ.).

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

**Владимир Олегович Микрюков** — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

**Vladimir O. Mikryukov** — Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof. of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<http://orcid.org/0000-0002-3025-6838>

Автор для корреспонденции / Corresponding autor:

[mikryukov.v.o@gmail.com](mailto:mikryukov.v.o@gmail.com)

**Сергей Анатольевич Мельков** — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры «Реклама и связи с общественностью в медиаиндустрии», Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

**Sergey A. Melkov** — Dr. Sci. (Pol.), Prof., Prof. of the Department of Advertising and Public Relations in the Media Industry, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-5247-7968>

[304304@mail.ru](mailto:304304@mail.ru)

### **Заявленный вклад авторов:**

**В.О. Микрюков** — подготовка обзора литературы, подготовка текста статьи (разделы 1, 4 полученных результатов, введение и заключение).

**С.А. Мельков** — первоначальный замысел, организация и общее руководство исследованием, подготовка текста статьи (проблематизация, разделы 2, 3 полученных результатов).

### **Authors contribution:**

**V.O. Mikryukov** — overall supervision of the research, preparation of the article text (sections 1, 4 of the results obtained, introduction, and conclusion).

**S.A. Melkov** — preparation of the literature review, text of the article (sections 2, 3 of the results obtained).

*Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.*

*Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.*

*Статья поступила 28.10.2025; после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 16.03.2026.*

*Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.*

*The article was submitted on 28.10.2025; revised on 20.11.2025; accepted for publication on 16.03.2026.*

*The authors read and approved the final version of the manuscript.*